

Iwona Rzepnikowska

Uniwersytet Mikołaja Kopernika

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ В СКАЗОЧНОЙ И НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ¹

Depictions of Death in Fables and Other Prose Works

ABSTRACT: Death is one of the key concepts present in the traditional image of the world. It means an end and is related to the process of wearing out and losing original properties. In folk anthropology, death is understood in terms of the transition from the earth world to the land of the dead, as the beginning of eternal existence. Death is one of the rites of passage and as such is correlated with other crucial moments of human existence, mainly with birth and marriage. Death is a common motif present in various genres of folklore. Researchers are interested in death predominantly because of its belief- and ritual-related image. The aim of the article is to analyse depictions of death in folk fables and other kinds of prose works. Special emphasis is placed on the personification of death as well as on its genesis and ontological status. The article also deals with the idea of death understood as both an event and a process, and it addresses death seen as a transcendental and unmaterialised force which determines a person's life against his or her will.

KEYWORDS: death in folk fables, death in non-fable prose works, personification of death, death as a process, death as an event

Смерть является ключевым концептом традиционной картины мира, противопоставленным концепту жизни и рождения. В народной антропологии осмысливается как переход из земного в «иной» мир, как начало загробного,

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования (Развитие гуманитарных наук, «Традиция 1Б»), № 1bH15018483. Руководитель гранта – Виолетта Врублевска, доктор филол. наук, проф. Университета Николая Коперника. Предлагаемый читателю текст является переработанной и во многих отношениях дополненной версией статьи, опубликованной на сайте *Polska bajka ludowa. Słownik*. См. I. Rzepnikowska, *Śmierć*, [в:] <http://bajka.umk.pl/> (26.02.2018).

вечного существования². Кроме того, она еще и «губительная сила, постоянно присутствующая в мире живых, персонифицируемая, олицетворяемая или стихийная, безличная»³.

Исследовательский интерес вызывают прежде всего представления о смерти в обрядах и верованиях. Правда, в работах по данному вопросу нередко приводятся сведения по словесному фольклору, но объектом специального внимания фольклорный, в частности сказочный и несказочный, образ этого явления становится относительно редко⁴. Поэтому в настоящей статье предпринимается попытка проанализировать представления о смерти, содержащиеся в текстах сказочной, а также несказочной прозы, в основном в быличках и этиологических рассказах. Материалом для анализа послужили сюжетные типы и их варианты, помещенные в указателе польской народной сказки Юлиана Кшижановского⁵.

В сказочной и несказочной прозе в первую очередь речь идет о смерти как реальном явлении, т.е. в смысле прекращения жизни людей и животных. С этим связан отдельный и довольно обширный вопрос о персонификации смерти, (наделении ее внешностью и свойствами человека), особенностях ее поведения, формах действия, атрибутах, а также проблема ее генезиса и онтологического статуса.

Персонификация Смерти

Наибольшее количество информации о внешнем виде смерти, особенностях ее поведения и атрибутах содержат волшебные сказки (напр. Т 330А „Kowal i diabli (Śmierć na gruszy)”, Т 330В „Stary żołnierz i diabli”, Т 332 „Kuma-Śmierć”

² С. Толстая, *Смерть*, [статья в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, ред. Н. Толстой, т. 5, Москва 2012, с. 58–59.

³ М. Власова, *Русские суеверия. Энциклопедический словарь*, Санкт Петербург 2000, с. 475.

⁴ К. Kość, „Śmierć drzwiami życia”. *O śmierci i umieraniu jako metaforach życia w polskiej kulturze ludowej, na podstawie tradycyjnych wierzeń i wyobrażeń*, „Literatura Ludowa” 2004, nr 3, с. 3–29; А. Kowalska-Lewicka, *Ludowe wyobrażenia śmierci*, „Polska Sztuka Ludowa” 1986, z. 1–2, с. 23–30; А. Kozieł, *Dwa oblicza śmierci w kulturze ludowej*, „Rocznik Muzeum Etnograficznego w Krakowie” 1994, t. 11, с. 31–44; Е. Masłowska, *Ludowe stereotypy obcowania świata i zaświatów w języku i kulturze polskiej*, Warszawa 2016; К. Moszyński, *Kultura ludowa Słowian*, т. II, 1934, с. 707–708; Н. Biegeleisen, *Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego*, Warszawa 1930. Похожее дело обстоит в восточнославянской научной литературе по этому вопросу. Ср. Г. Виноградов, *Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилго населения Сибири*, Иркутск 1923; О. Седакова, *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян*, Москва 2004; В. Добровольская, *Типы гаданий о смерти в традиционной культуре регионов бассейна Верхней Волги и Оки*, в: *Славянская традиционная культура и современный мир*, сост. М. Алексеевский и В. Добровольская, Москва 2007, с. 266–276; *Народная демонология Полесья*, сост. Л. Виноградова, Е. Левкиевская, т. III (*Мифологизация природных явлений и человеческих состояний*), Москва 2016.

⁵ J. Krzyżanowski, *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*, т. 1, Warszawa 1965.

T 332* („Śmierć i diabeł kumami”), менее легенды (T 795 „Anioł śmierci i wdowa („Sabałowa bajka”)) комические сказки (np. T 1354A „Śmierć zapraszana”) и былички (T 7010 „Trzy śmiercicki”).

В принципе в данном типе народной прозы Смерть может принять любой облик: животного или человека (священника, еврея, знакомого соседа, родственника), а также огонька или каменной фигуры Богоматери, как это следует из многочисленных записей, сделанных Каролом Матиасом в Малопольше⁶. Все же в сказках преобладает женская ипостась Смерти. Она изображается как обыкновенная женщина или женщина с признаками скелета. Для внешнего вида антропоморфной Смерти характерны в основном два признака: цвет, который касается ее наряда, а кроме того рост и телосложение. Чаще всего она выглядит как худая, высокая, безобразная женщина в белой, реже черной (или грязной) одежде: „Śmierć, jest to kobieta chuda, bardzo wysoka i w białym odzieniu. Ukazuje się ona temu, kto ma umrzeć wkrótce”⁷; „[...] staruszka, chuda koścista”⁸; „[...] a tu przychodzi do niego pani, wielgá, wysoká, biało ubraná”⁹; „Moja strasná biáá pani! może mi téz nie odmówis i pódzies mi za kumoske...”¹⁰.

Кроме чрезмерной худобы безобразие Смерти-скелетоподобного существа подчеркивается иногда отсутствием глаз и носа:

Wtem przed dom zajeżdża bardzo bogaty powóz i wysiada z niego pani czarno ubrana, wysoka, strasznie chuda, - nie miała nosa, ani oczów. Zdaleka zdawała się jeszcze jaka taka, ale zbliżka jak się jój kto przypatrzył, to gotów był zaraz zemdleć¹¹.

Nareszcie patrzą sie: a tu ten powóz zajeżdża przed chałupę i wysiada z niego pani, bogato ubrana, w czarnej sukni jedwabnej, szumiącej. Wlazła do izby – wszyscy się jój poprzelękali, bo zaraz poznali, że to śmierć, bo nie miała oczów, ani nosa i zęby miała na wiérzchu. Nikt nie śmiał się nawet na nią popatrzeć, ani się odezwać¹².

Представление о Смерти как скелетоподобном существе некоторые исследователи толкуют как прогностик того, каким человек станет после своей кончины¹³. Крайне редко Смерть изображается в виде скелета, т.е. в виде ко-

⁶ K. Matyas, *Śmierć w wyobraźni i ustach gminu. Przyczynek do studium etnograficznego*, „Wisła” 1894, т. 8, с. 102–113.

⁷ T 795, S. Udziela, *Materiały etnograficzne zebrane z miasta Ropczyc i okolicy*, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1886, т. 10, с. 113.

⁸ T 330A; I. Piątkowska, *Troska*, „Wisła” 1903, т. 17, ч. 1, с. 95.

⁹ T 332; J. Świętek 1893, *Lud nadrabski (od Gdowa po Bochnię). Obraz etnograficzny*, Kraków 1893, с. 369.

¹⁰ T 332*; K. Matyas, *Śmierć w wyobraźni i ustach gminu...*, с. 100.

¹¹ T 330A; *ibidem*, с. 99.

¹² T 332*; *ibidem*, с. 101.

¹³ K. Kość, „Śmierć drzwiami życia” ..., с. 13.

стей обтянутых одной кожей, что является результатом семилетнего пленения Смерти солдатом: „I ón wzion i wytrżósnuł. To jéno same kości w skórże oblecóné byų. No i ta śmierć nie chciała po niégo przyść [...]”¹⁴.

Одно из наиболее интересных воплощений Смерти зафиксировано в Малопольше. На первый взгляд она лишена антропоморфных признаков, поскольку сначала в ее характеристике доминирует соотношение с туманным столбом, но на одном его конце видны женские руки, а на другом – ноги:

Patrzemy, a tu przez okopy leci pędziutko taki *śłup mglisty* i okropnie wysoki, tylkośmy nogi widziały bielutkie bosc. Wyglądało to tak, jak kobiéta – ręce to miało wyciągnięte przed siebie, takie długie jak kije, i rozszerzone palce, a od rąk na dół ku ziemi szła mgła. Za chwilę patrzemy, a za tym *śłupem* leci pies i okropnie szczeka¹⁵.

На основании приведенных примеров можно сказать, что представления о женском облике Смерти в польских сказках колеблются от фигуры ясно очерченной до расплывчато-мерцающей, т.е. похоже, как это на русском материале (былички и поверья) отметила Марина Власова¹⁶.

Совмещение в сказочном образе Смерти признаков человека и скелета – результат влияния церковно-религиозной традиции¹⁷. С этим связан и вопрос атрибутов этого персонажа, который может изображаться вооруженным, притом обычно косой:

Był jeden chłop bardzo bogaty, kawaler, stary już był, więc przyszła po niego *śmierć*. Była utulona brudną płachtą, a w ręce miała kosc wyostrzoną, taką, że aż się świeciła. Przyszła po niego w dzień i zapukała do drzwi chałupy. A on się pyta: – Kto tam? – Ja, *Kostusia*. Pan Bóg mie przysłał po ciebie, żebyś szedł ze mną, bo już na ciebie czas¹⁸.

Как следует из дальнейшего хода событий, коса не оказывается просто атрибутом Смерти, как это бывает в народных поверьях, а орудием, при помощи которого она выполняет свои обязанности: „Nic nie pomogło sześć kłód w kapliczce, bo *Kostusia* kominem wlaźła. I tak okropnie zbiła Marcina za to, że

¹⁴ T 330B „Stary żołnierz i diabli”; S. Ciszewski, *Krakowiaczy. Monografia etnograficzna*, т. 1, Kraków 1894, с. 166.

¹⁵ В систематике сказки Кшижановского данный вариант не отмечается; K. Matyas, *Śmierć w wyobraźni i ustach gminu...*, с. 108.

¹⁶ *Смерть* [статья в:] М. Власова, *Русские суеверия. Энциклопедический словарь*, Санкт Петербург 2000, с. 478.

¹⁷ K. Moszyński, *Kultura ludowa Słowian*, т. II, с. 707–708; A. Kowalska-Lewicka, *Ludowe wyobrażenia śmierci...*, с. 25–26.

¹⁸ T 330A; K. Matyas, *Śmierć w wyobraźni i ustach gminu...*, с. 98.

ją zwodził, uciena mu głowę i poleciała”¹⁹. Śmierć w сказке лишает человека жизни многими способами, в том числе она душит его, насылає болезни или действует ближе неопределенным образом²⁰: „A śmierć krzyk”a [...] skocu”a do ni i udusiu”a ją i już ji Urbán nie zastá”²¹; „Już teraz nic ci nie pomoże, – pójdź ze mną”. I zabrała go i znikli oboje”²².

Ano przysła do tego kawalera, wbiła mu małą obrąckę na głowę, – a ten kawaler wyleciał z koła, co tańcowali, opar sie o synkwasy i zaczął krzyceć: ze go bardzo w głowie załupało. I musieli go odnieść do domu. Ale jak go ino do domu zanieśli, tak zaraz umar”²³.

Происхождение и онтологический статус Смерти

Происхождение Смерти в сказках и несказочной прозе в принципе не объясняется. По сюжетному типу, который можно отнести к быличкам известно лишь, что первоначально участь людей решали три Смерти (Т 7010 „Trzy śmiercicki”). Поскольку одна из них стала хромою, попросила своих спутниц идти медленнее, а когда они оказались равнодушны к ее просьбам, стала угрожать, что передаст людям лекарство от кончины. И на этот раз не дождавшись ожидаемого результата, хромая Смерть на самом деле раскрыла людям тайну бессмертия, но сама подвергла себя... смерти. Перед гибелью успела, однако, уничтожить косою одну из своих спутниц, в результате чего осталась лишь одна Смерть. Смертность самих Смертей становится понятной лишь в контексте народного этиологизма, с одной стороны, объясняющего существование в мире лишь одной Смерти, с другой – толкующего бессмертие людей как нарушение установленного порядка вещей, за сохранение которого вступают две нехромые Смерти:

Z początku chodziły po świecie razem trzy śmierci i ludzi tysiącami zgładzały. Jedna z nich jednak wskutek jakiejś przygody okulała i gdy dwie jej towarzyszyki szybko dążyły naprzód, ona, nie mogąc im dorównać, pozostawała w tyle. Widząc więc,

¹⁹ Т 330А; ibidem, с. 100; ср. W. Ronisz, *Wieś Dreglin w sierpkiem*, „Wisła” 1891, т. 5, ч. 4, с. 745.

²⁰ Вопрос особенностей поведения персонифицированной Смерти будет объектом отдельного исследования.

²¹ Т 1354А; S. Udziela, *Lud polski w pow. ropczyckim w Galicji, cz. 3. Powieści i bajki*, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1892, т. 16, с. 2.

²² Т 335, „Zwiastuny śmierci”; T. Mleczko, *Świat zmarłych. Zwyczaje i zapatrywania ludu polskiego w Galicji Zachodniej*, „Lud” 1902, т. 8, с. 50.

²³ Т 332; J. Świętek 1893, *Lud nadrabski...*, с. 369.

iż podążyć za nimi nie może, poprosiła je, aby zlitowały się nad nią i szły powolniej. Gdy towarzyszki prośby tej usłuchać nie chciały, śmierć kulawa zagroziła im, że jeśli ją ciągle będą zostawiały w tyle, to ona poda ludziom przeciw śmierci skuteczne lekarstwo. Ta groźba również żadnego nie odniosła skutku. Wówczas śmierć kulawa rozgniewana na towarzyszki, groźbę swą spełniła i idąc przez wsi, w każdej z nich wołała: „Lude, lude jidźte chrinec i pyjte bedrinec, a ne budete umeraty”. Ludzie usłuchawszy tej rady, rzeczywiście nie umierali, co dwie śmierci tak rozgniewało, że rzuciły się na swą kulawą towarzyszkę, aby ją zabić. Śmierć kulawa jednak broniąc się przed napaścią, jednym uderzeniem kosy zgładziła jedną z napastniczek, w tej jednak chwili padła nieżywa podcięta kosą drugiej swej siostry. Od tej pory jest na świecie śmierć tylko jedna, przeciw której jednak leki, podane przez kulawą nieboszczkę, nic już nie pomagają. Teraz jest dobrze podawać bedrinec krowom, które dobrze jeść nie chcą²⁴.

Смерть в сказке в основном воспринимается как существо подвластное Богу, несмотря на то, что иногда она обязана отчитываться о результатах своей деятельности перед дьяволом²⁵ или ее называют матерью чертей²⁶. Но даже в таком случае последнее слово принадлежит Богу, как, например, в ситуации спора Смерти с дьяволом, претендующим на ребенка, крестными родителями которого они только что стали по просьбе бедняка. Господь оценивает поведение дьявола как противоречащее божественной воле и приказывает Архангелу Михаилу сковать чёрта цепью посередине ада:

I okropnie się zaczeni obydwaje kłócić, tak, że aż jój djabeł powiedział, że choćby świętego z tego świata zabrała, to jój wydrze. Śmierć okropnie rozżłoszczona i rozżalona na djabła, poleciała skarżyć Panu Bogu, że diabeł się sprzeciwia woli Boskiej, że Pan Bóg dziecko przeznaczył dla siebie, a on się sprzecza, że to będzie jego. Pan Bóg się okropnie zgniewał na djabła, kazał świętemu Michałowi Archaniołowi uwiązać tego djabła na grubym łańcuchu w samym środku piekła – i od tego czasu jest *Ancychryst*²⁷.

Роль судебной инстанции выполняет иногда Христос, к которому умирающий мужик намерен обратиться с жалобой на Смерть, наславшей на него болезнь и, по его мнению, превысившей таким образом свои полномочия: „Poczekáj! Oskarże já cie Panu Jezusowi, żeś mi dała takiego bęksa za plecy”²⁸. Тем

²⁴ T 7010; E. Kolbuszowski *Materiały do medycyny i wierzeń ludowych według opowiadań Demka Żemety w Zaborzu w pow. rawskim*, „Lud” 1896, t. 2, c. 157–158.

²⁵ T 330A; W. Ronisz, *Wieś Dreglin w sierpckiem...*, c. 744.

²⁶ T 332*; K. Matyas, *Śmierć w wyobraźni i ustach gminu...*, c. 100.

²⁷ T 332*; *ibidem*, c. 102.

²⁸ *Ibidem*, c. 110.

временем, крестьянин нарушил запрет не оглядываться за себя: „Przychodzi pod dom, ogląda się – świętełka niema! I dostał okropnego *bęksa* za plecy, za to, że się obejrzał. – Nie obziéráj sie! idź prosto!”²⁹.

Смерть мыслится частью божественного порядка мира, залогом его гармонии и равновесия в основном в тех случаях, когда ее пытаются уничтожить или обезвредить люди, например, хитростью заманивая ее в гроб (сундук), мешок, табакерку, о чем повествуют многочисленные варианты сюжетов типа Т 330А „Kowal i diabli (Śmierć na gruszy)”. Вопреки ожиданиям, положение человечества резко ухудшается. Из-за чрезмерного роста населения усложняется продовольственная ситуация, а слишком долгая жизнь становится невыносимой для стариков:

Wtedy uradzono, by ją powiesić na rosochatej gruszy. Śmierć zawisła, lecz wisząc żyła. [...] Śmierć jakkolwiek żywa, była jednak uwięzioną i zabijać ludzi nie mogła, nikt przeto już nie umierał. Radość wielka zapanowała narazie wśród ludzi. Lecz potem, gdy przeszło wiele, wiele lat, ludzi namnożyło się tak dużo, iż chleba braknąć zaczęło. Im bardziej ludność wzrastała, tem było gorzej. Przytem wielu bardzo starcom sprzykrzyło się w końcu życie. Wtedy uradzono, by uwolnić Śmierć. Jakoż odcięto jej postronek u szyi i wówczas Śmierć, porwawszy kosę, jednym zamachem ścięła głowy niezliczonej liczbie ludzi³⁰.

Бывает, что освобожденная Смерть отказывается исполнять свои обязанности, т.е. наказание людей (кузнеца, отшельника или солдата) адекватно их проступку, состоявшему в попытках лишить Смерть ее компетенции³¹.

Опасным, угрожающим космическому равновесию оказывается знание человеком срока своей смерти. Он лишается этой информации, поскольку перспектива скорой кончины приводит к потере интереса к своим обязанностям или небрежному их выполнению: „Pan Jezus się zgniewał i zrobił tak, żeby ludzie potem już nic nie wiedzieli o swojej śmierci”³².

²⁹ *Запрет оглядываться на опасность во избежание негативных для себя последствий принадлежит к числу наиболее архаичных и широко известен за пределами славянского мира. Оно осмысливается как опасное, ассоциирующееся с тем, что находится позади, с потусторонним миром. Народная демонология Полесья*, т. 3, с. 437. Р.Г. Назиров, *Запрет оглядываться (К происхождению фольклорного мотива)*, [в:] *Фольклор народов РСФСР: межэтнические фольклорные связи*, межвузовский научный сборник, отв. ред. Т.М. Акимова, Уфа 1987, с. 31–38.

³⁰ Т 330А „Kowal i diabli (Śmierć na gruszy)”; W. Ronisz, *Wieś Dreglin w sierpckiem...*, с. 745.

³¹ Т 330А; I. Kopernicki, *Gadki ludowe Górali Beskidowych z okolic Rabki*, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1891, т. 15, с. 20; O. Knoop, *Podania i opowiadania z W. Ks. Poznańskie-go*, „Wisła” 1895, т. 9, с. 22. Т 330В; S. Ciszewski, *Krakowiaczy...*, с. 166.

³² Т 2465 „Wiedza o przyszłości odjęta”; S. Ulanowska, *Wśród ludu krakowskiego*, „Wisła” 1887, т. 1, с. 105; cp. I. Piątkowska, *Obyczaje ludu ziemi sieradzkiej*, „Lud” 1898, т. 4, с. 415.

Как следует из записи, сделанной Доротой Симонидес, каждому человеку Богом отпущено 70 лет жизни. Если этот срок сократится, то ответственность за это возлагается исключительно на человека, от поведения и образа жизни которого зависит, как он воспользуется этим божественным благом:

Kiedy pan Bóg stworzył człowieka, długo rozmyślał nad tym, jak długo ma on żyć, aby był do czegoś, aby głupstwa nie wyczyniał, aby pamiętał jutro, co obiecał wczoraj. Tak długo myślał, aż wymyślił. Zwołał człowieka przed swój tron i powiedział mu: – Postanowiłem, że będziesz żył siedemdziesiąt lat.

– Tak długo? A jak to mam wytrzymać? – pyta człowiek cały zalękniony. A Pan Bóg mu rzecze:

– Najpierw będziesz żył pod opieką ojców dwadzieścia lat; potem jako dojrzały człek będziesz harował jak koń dwa razy tyle. Potem jako pies będziesz wachował wnuki i doradzał młodym przez dziesięć lat. Jak to porachujesz, jest siedemdziesiąt, i jak śmierć przyjdzie po ciebie, sam będziesz ją prosił, aby cię jeszcze parę lat zostawiła na tym padole

Od tego czasu ludzie mają życia siedemdziesiąt lat, chyba, że zachorują, albo się zapiją, a niektórzy zabiją. Ale to już od ludzi zależy, bo to już ich sprawa, jak się kto prowadzi³³.

Беспомощность человека перед лицом Смерти

Основная функция Смерти – функция прерывания человеческой жизни. Сказочный герой преимущественно испытывает страх перед кончиной, поэтому всячески пытается отсрочить ее наступление. В легендарных сказках Смерть оказывается, однако, неумолимой, что объясняется отсутствием у нее слуха, которого лишил ее Бог в наказание за проявленную когда-то жалость к женщине-матери маленьких детей. С тех пор она стала беспристрастной к любым человеческим просьбам:

Dawnemi czasy można było nawet gadać ze śmiercią. Teraz jest ona głucha i zabiera każdego ze świata, nie zważając na płacz pozostałych. Pierwej jednakże słyszała ona dobrze; ale gdy ją posłał raz P. Bóg, ażeby zabrała kobietę mającą kilkoro drobnych dzieci, śmierć rozczulona płaczem ich, wróciła z niczem. Wtedy za to, że się sprzeciwiła wyrokowi bożym, ogłuszył ją P. Bóg³⁴.

³³ В систематике Кшижановского вариант не отмечен; D. Simonides, *Dlaczego drzewa przestały mówić. Ludowa wizja świata*, Opole 2010, с. 62.

³⁴ T 795 „Anioł śmierci i wdowa („Sabałowa bajka”)”; S. Udziela *Materiały etnograficzne zebrane z miasta Ropczyc i okolicy*, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1886, т. 10, с. 113.

Поучительным примером беспомощности человека перед ее лицом является сказочно-волшебная версия средневековой легенды о грозном рыцаре, который на собственном примере испытал неограниченную власть и могущество Смерти³⁵. Лишая его жизни, Смерть хвастается, что ее превосходство вынуждены были признать власть имущие, в том числе Абсалон, Саломон и Самсон.

Поэтому человеку нельзя сомневаться в справедливости Смерти, тем более ее проклинать или угрожать ей, в чем убедилась героиня анекдотической сказки, у которой умер единственный сын. Ночью к женщине, рассерженной таким поворотом событий приходит Смерть, заглядывает ей в глаза, но от печальной участи она спасается обращением к Богу:

Jednej kobiécie umarł syn, jedynak. Wyrzekałać ona i płakała bardzo, a z żalu wielkiego przeklinała śmierć i obiecała ją nawet utopić. W nocy, kiedy się już kobiéta do snu głębokiego pogrążyła, przyszła śmierć, odchyliła pierzynę i zajrzała babie w oczy. Baba krzyknęła: „Wszelki duch Pana Boga chwali”. Śmierć, trzasnąwszy drzwiami, odrzekła: „I ja chwałę!”³⁶.

Смерть благодарна

Лишь в исключительных случаях Смерть может проявить к человеку милость, например, в ответ за оказанную ей услугу. Благодарная Смерть прибавляет несколько лет жизни мужику, который переносит ее через реку, бедной служанке, принявшей ее за нищенку и угостившей кашей³⁷, а даже людям случайно освободившим ее из ловушки, поскольку, как можно полагать, они противодействуют установлению нежелательного порядка вещей: „Śmierć płyńie, płyńie wodom na dół, aże jom ludzie z^apili i myśleli ze drzewa kawał. Jak uwidzieli ze to truna jest, ze strahem otwarli. Tak im śmierć podziękowała pięknie, przyrzek^ua, ze ten kto jom wypuścił, dziesięć lát dłuzy za to pozyje na świecie”³⁸.

В другом варианте того же сюжета Бог посылает Смерть в лес, где она в наказание за непослушание сначала 7 лет роет землю, а затем в течение очередных 7 лет разбивает добытый из ее недр камень, в котором обнаруживает червячка. Таким образом, Бог доказывает Смерти, что ни одна тварь земная не остается без Его помощи, тем более дети, лишившиеся матери. J. Świątek, *Lud nadrabski*, с. 370.

³⁵ T 381 „Potęga śmierci”; M. Małecki, *Język polski na południe od Karpat*, Kraków 1938, с. 47–48.

³⁶ T 1354A; A. Petrow, *Lud ziemi dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki*, ч. III, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1878, т. 2, с. 129.

³⁷ A. Kowalska-Lewicka, *Ludowe wyobrażenia śmierci*, с. 26.

³⁸ T 330A; I. Kopernicki, *Gadki ludowe Górali Beskidowych z okolic Rabki*, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1891, т. 15, с. 20.

Иногда благодарная Смерть обещает человеку посылать своих *послов*, т.е. знаки приближающейся кончины: ухудшение здоровья, выпадение зубов и поседение волос: „Śmierć obiecała go bez posłów za to uwiadomić o swoim przyśściu. Pierwszy *posół* będzie, że zacnies słabować; drugi, że ci zęby wylecą; a trzeci, że ci włosy zesiwieją. Potym sama przyjde po siebie”³⁹.

Бывает и так, что человек сам должен отгадать признаки приближающейся смерти, но он это делает неправильно или их не замечает, поэтому крайне удивлен, когда подходит срок его кончины и даже упрекает Смерть в несоблюдении условий договора. Но та, как правило, равнодушна к аргументам своей жертвы:

Chłop żyje, żyje długo, aż doczekał się, że mu włosy posiwiały, zęby wypadły, stracił słuch, wzrok osłabł i nogi zaczęły odmawiać posłuszeństwa. A ż naraz zjawia się pani śmierć i zabiera go. Chłop tedy znów krzyczy: „Pani! Czego mnie bierzesz? Wszak przyrzekłaś mi posłać wprzód posłańców. Gdzież oni są?” Na to śmierć mu odpowiada: „Czy mało jeszcze miałeś posłańców? Czyż to, że ci włosy posiwiały, zęby wypadły, żeś ogłuchł, utracił wzrok i siły w nogach nie byli posłańcy? Już teraz nic ci nie pomoże, - pójdź ze mną”. I zabrała go i znikli oboje⁴⁰.

Самой ценной награды удостоен мужик, позвавший Смерть в кумовья (Т 332). Он наделяется умением предсказать исход болезни: если Смерть придет к постели больного и станет у него в ногах, то он еще поживет, а если в изголовье – то умрет⁴¹. Иногда этим умением одаривается крестник Смерти. Благодаря тому герою удается разбогатеть. Когда наступает время самому этому человеку умирать, он просит пришедшую за ним Смерть повременить до следующего раза, на что она соглашается. В ожидании очередного опасного визита человек делает „крутящуюся кровать”, позволяющую поворачиваться к Смерти ногами:

Otóż kazał sobie zrobić takie łóżko na sprężynach czy na kołowrocie, żeby się mogło zaraz obrócić na ten przypadek, gdyby mu śmierć w głowach stanęła. Nareszcie zobaczył ją że podchodzi, i gdy się ku głowie zbliżała, on smyk! I wykręcił łóżko tak, że ona stała w nogach. Śmierć za nim i goni go, a ónji się umyka⁴².

³⁹ T 335 „Zwiastuny śmierci”; K. Matyas, *Śmierć w wyobraźni i ustach gminu...*, s. 102.

⁴⁰ T 335; T. Mleczko, *Świat zmarłych. Zwyczaje i zapatrywania ludu polskiego w Galicji Zachodniej*, „Lud” 1902, т. 8, с. 50.

⁴¹ Реже бывает наоборот: „Jak pójdiesz do chorego, to jak ja będę stała w głowach, to wyzdrowieje, a jak w nogach, to umrze”. Cp. S. Jastrzębowski, *Notatki etnograficzne ze wsi Krzywowa w Gubernji Lubelskiej*, „Wisła” 1892, т. 6, с. 857.

⁴² O. Kolberg, *Dzieła wszystkie*, т. 3 Kujawy, ч. 1–2, Wrocław–Poznań 1962 (1867), с. 157.

После нескольких безуспешных попыток забрать хитреца она, наконец, выполняет свою обязанность: „W końcu po długij gonitwie, zniecierpliwiona: łap! go za głowę i woła: „Mój kumie, nie pomoże kręcić, wiercić, kiej trzéba na tamten świat lecić”. I udusiła go”⁴³. Мысль о неизбежности смерти может быть выражена в виде рифмованной фразы: „Nie pomoze kumie ani krenci – ani wierci, Wo cas psysed tseba śmierci!”⁴⁴. Отличительным признаком Смерти в сказках типа Т 332 является ее невидимость для всех людей, кроме избранника, посвященного в тайну продолжительности человеческой жизни.

Многие реализации сюжета о Смерти-куме, сказок типа Т 330А, а также Т 330В („Stary żołnierz i diabli”) содержат мысль о неизбежности судьбы. Все попытки перехитрить Смерть или не приносят желаемых результатов, или те, кто предпринимает такие усилия жестоко наказываются. Одурачить Смерть не всегда удается даже бабе, являющейся в сказках символом хитрости и смекалки, особенно в отношениях с дьяволом⁴⁵. В столкновении с этим проявлением сущности бытия и баба оказывается иногда беспомощной, вынужденной признать превосходство Смерти⁴⁶. Сказанное вовсе не означает, что в сказках нет примеров одураченной Смерти. Это удается солдату или кузнецу, которые, поймав ее в ловушку, заставляют дать обещание больше за ними не возвращаться⁴⁷.

Смерть как трансцендентная нематериализованная сила

Тенденцию к персонификации смерти в сказке и несказочной прозе следует считать преобладающей. Кроме того, в сказках волшебных и новеллистических смерть выступает как некая трансцендентная нематериализованная сила, детерминирующая жизнь человека вопреки его воле, т.е. можно гово-

⁴³ Ibidem, с. 157.

⁴⁴ Т 332; Z. Wierchowski, *Jastkowskie powieści i opowiadania z Puszczy Sandomierskiej*, „Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne” 1903, т. 6, с. 183.

⁴⁵ Ср. Т 1030 „Diabeł oszukany przy podziale plonów”; O. Kolberg, *Dzieła wszystkie*, т. 21 Radoskie, ч. 2, Kraków 1964 (1888), с. 197.

⁴⁶ Т 1354А „Śmierć zapraszana”; S. Udziela, *Lud polski w pow. ropczyckim w Galicji, ч. 3. Powieści i bajki*, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1892, т. 16, с. 2. Ср. также Т 338 „Baba i śmierć”, R. Zawiliński, *Brzeziniacy*, „Ateneum” 1881, т. 4, с. 463.

⁴⁷ Ср. Т. 330 В; A. Saloni, *Lud wiejski w okolicy Przeworska*, „Wisła” 1898, т. 12, с. 721; Т 330А; I. Kopernicki, *Gadki ludowe Górali Beskidowych z okolic Rabki*, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1891, т. 15, с. 20; Т 336 „Śmierć oszukana”; O. Knoop, *Podania i opowiadania z W. Ks. Poznańskiego*, „Wisła” 1895, т. 9, с. 322.

речь о смерти в результативно-событийном значении⁴⁸. Как правило, человек предпринимает попытки избежать предсказанной судьбы, что составляет основную фабульную линию сюжетов типа T 410 „Śriąca królowna” и T 932A „Śmierć w studni”. В обоих случаях избежать рока не удается. Что бы человек ни делал, предназначенное время и характер смерти не могут быть изменены, но, в противоположность новеллистической сказке, в которой смерть оказывается окончательной и неотвратимой, в волшебной сказке она сближается, скорее, со сном.

Очень редко сказочные герои осознают, что живут под угрозой смерти и не противодействуют этому, как, например, правитель – герой фольклорной реализации известного с античных времен нарратива «Дамоклов меч» (T 758 „Trąby śmierci (Miecz Damoklesa”). Убедительным воплощением испытываемого им постоянно чувства страха за свою жизнь и одновременно иллюзорности власти является меч, повешенный на одном волоске над головой воина, завидующего царю власти и связанных с этим привилегий: „Ty myślis, że já jestem królem, że mi to jes dobrze, że já sie nie boje nicego, a já tak samo muse sie báć ty sable. Já wychodze z jednégo pokoju do drugiégo, a juzt sie boje przezdrady, zeby mie nieprzyjáciel do góry nie wysadził”⁴⁹.

В народной прозе можно отметить понимание смерти как исчерпывание жизненной энергии, распад, уничтожение форм, т.е. можно выделить процессуальный аспект смерти. В частности это иллюстрируют нарративы о запроданце (напр., T 425C „Zaprzędana przez ojca”). Внешним проявлением умирания сказочного чудовища, тоскующего по возлюбленной девушке является яблоко, теряющее свои первичные свойства: „Więc on dał jej *dzwoneczek i czerwone jabłko* i powiedział jej tak, że jak to jabłko będzie *półblade*, to on będzie chorował; a jak będzie całe blade, to już nie będzie żył; żeby wtenczas *zadzwońiła* tym dzwoneczkiem: «W tej chwili bedziesz przy mnie»”⁵⁰.

В заключение стоит сказать, что поиски исчерпывающего ответа на вопрос о представлениях о смерти в народной прозе этим, естественно, не ограничи-

⁴⁸ Древнейшим произведением такого рода является древнеегипетская сказка «Обреченный царевич» (XIII в. до н.э.). В ней рассказывается о единственном и долгожданном сыне фараона, которому явившиеся при рождении семь богинь судьбы Хатхор предсказывают неизбежную смерть от крокодила, змеи или собаки. С.Ю. Неклюдов, *Темы и вариации*, Москва 2016, с. 118.

⁴⁹ S. Cercha, *Baśnie ludowe zeb. we wsi Przebieczanach (w powiecie wielickim) przez...*, „Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne” 1896, т. 1, с. 55.

⁵⁰ T 425C; K. Matyas, *Śmierć w wyobraźni i ustach gminu...*, с. 268. Ср. I. Rzepnikowska, *Ce-manтика и сюжетно-композиционные функции яблока и яблони в сказочном фольклоре*, „Slavia Orientalis” 2018, № 1, с. 84–85. В данном случае яблоко функционально соответствует предметам, которые в момент грозящей герою опасности меняют свой вид: чернеют, ржавеют или с них начинает капать кровь. Ср. В. Добровольская, *Предметные реалии русской волшебной сказки*, Москва 2009, с. 67.

ваются и предполагают обращение ко многим другим аспектам данной проблематики. Например, относительно смерти в результативно-событийном значении можно поставить вопрос о причинах, вызывающих это явление в сказке и несказочной прозе (старение, болезнь, убийство, самоубийство, проклатие, предсказание и т.п.), об агентах смерти и формах их смертной деятельности (Смерть, дьявол, ангел, демоны, стихии), о категориях умерших в сказке, взаимосвязи между миром живых и миром умерших, о представлениях о душе, о формах посмертных состояний человека, структуре и расположении потустороннего мира.

Кроме того, сказки, особенно волшебные и легендарные, дают основания говорить о смерти символической и связанными с этим формами испытания, предполагающими, например, уничтожение и восстановление тела сказочного неопита, проглатывание его чудовищем, различные виды метаморфозы (превращение в птиц, животных, растения, камни). С инициационным характером сказок связан вопрос метонимических эквивалентов смерти (молчание, запрет на сон, еду, путешествие без определенного направления), а также вопрос знаний и умений, приобретаемых в результате пройденного испытания.

Все перечисленные выше вопросы, связанные с представлениями о смерти в сказочной и несказочной народной прозе несомненно заслуживают того, чтобы стать предметом отдельного, более детального рассмотрения, чем предполагают рамки настоящей статьи.